
Роман Головацкий
Он ушел на рассвете

Роман Головацкий
Он ушел на рассвете

https://litres.ru/74720808
SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами сборник рассказов и повестей о людях, чьи судьбы навсегда изменила Великая Отечественная война. Герои книги сталкиваются с тяжёлыми испытаниями, болью и утратой, но даже в самых нечеловеческих обстоятельствах продолжают отстаивать право оставаться людьми. Это книга о любви и верности, милосердии и мужестве, памяти и надежде. Она призвана напомнить о той огромной цене, которую нашему народу пришлось заплатить за мирное небо над головой.

Трогательную иллюстрацию к сборнику подготовила талантливая художница Дарья Терещук.

Содержание

ОН УШЕЛ НА РАССВЕТЕ 7
ДЛЯ ПАМЯТИ 10
ПРОЩЕНИЕ 13
СУДЬЯ 20
КАНАРЕЙКА 28
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Он ушел на рассвете

Роман Головацкий
Он ушел на рассвете
Рассказы и повести
Обложка: Дарья Терещук (студия Digital Wizards)
© Головацкий Р.И., 2026

ОН УШЕЛ НА РАССВЕТЕ

Рассказ

Лишь только в окошках избы забрезжили слабенькие лучики просыпающегося светила, она принесла охапку дров, чтобы растопить печь. Занятые поленьями руки не дали придержать входную дверь, и та громко хлопнула за спиной. От резкого звука она вздрогнула и замерла. Однако спящие дети не проснулись, продолжая мирно посапывать на кровати.

Постояв немного, она присела перед прожженной топкой, зиявшей кромешной чернотой, и принялась укладывать туда дрова.

Поленья приятно пахли древесиной, еще сохраняющей свежесть утреннего мороза. Он улыбнулся. Ему всегда нравился этот запах, и раньше он сам любил растапливать поутру печь. Но сейчас он безучастно наблюдал, как она делает это за него.

В избе было еще темно, но ее сгорбленный силуэт отчетливо угадывался на фоне белого бока русской печи.

«Женя, Женя, Женечка, — думал он, глядя на нее, — как же тяжело тебе будет, родная. Но ты сильная, ты всё выдержишь».

Тем временем она молча оторвала от одного из поленьев приличный кусок бересты и аккуратно уложила его между дров, чтобы те охотнее занялись огнем. Спустя мгновение

первый язык пламени соскочил с зажженной спички и ухватился за бересту, а потом, разгораясь, перекинулся на дрова.

Зябко кутаясь в старый пуховый платок, она наблюдала, как занимается огонь в топке. Пламя осветило ее лицо, и он смог увидеть ее измученные глаза, не знавшие сна и покоя вот уже несколько дней. В ее глазах, которые он так любил целовать, сейчас отражалась лишь бесконечная и удушающая тоска.

— Ну, будет уже, Женечка, — наконец произнес он, — будет уже себя так изводить.

Он попытался поймать ее взгляд, но она не поднимала глаз и все продолжала смотреть на потрескивающие в топке дрова.

— Так случается, — продолжал он. — Я теперь должен уйти.

Она молчала, но он заметил блеснувшие в ее глазах слезы. «Ну вот опять», — подумал он.

— Ты должна быть сильной, — сказал он. — Ничего не поделаешь. Война, Женечка. Тебе придется это принять. И жить дальше.

Не сказав ни слова, она выпрямилась и прошла мимо него к столу. Но он не обиделся. Он всё понимал.

Впрочем, к ней он не стал подходить. На столе лежала бумага, которая была ему неприятна, и он не хотел, чтобы эта бумага попадалась ему на глаза. Он желал лишь смотреть на нее в эти последние минуты перед тем, как уйти.

— Женя, — строже произнес он, видя, как дрожат ее губы, — ты должна взять себя в руки. Должна вырастить наших детей. И принять то, что мы с тобой уже никогда не увидимся.

Она присела на скамью, закрыла лицо ладонями и тихо всхлипнула. При виде ее слез у него щемило грудь, но он не мог отвести от нее взгляда. Не мог наглядеться на нее.

Во дворе, проснувшись, резко запел петух.

— Время, — сказал он. — Я должен идти. Меня ждут. Прощай, Женечка. Прощай, родная.

Он окинул взглядом избу, постоял у спящих детей, желая напоследок получше запомнить их лица. Потом улыбнулся ей, поклонился и вышел из избы.

На улице тем временем закричали уже и соседские петухи, радостно встречая новый день.

Она же по-прежнему сидела за столом и, вытерев слезы, глядела на фотокарточку, с которой на нее смотрел он, подтянутый и серьезный. И глаза его, как всегда, оставались добрыми и ласковыми.

А рядом лежала бумага, на которую она старалась не смотреть. Это была полученная несколько дней назад похоронка, в которой значилось, что он погиб в бою на фронте Великой Отечественной войны.

ДЛЯ ПАМЯТИ

Рассказ

Они идут, не торопясь, по набережной Невы. Мужчина средних лет и маленькая девочка, держащая его за руку. Она то и дело отбегает, чтобы согнать усевшихся на каменном поребрике голубей. Голуби шумно взлетают, а девочка, смеясь, с совершенно счастливым лицом возвращается к мужчине и доверчиво прижимается к нему. Когда тебе одиннадцать лет, весь мир кажется беззаботным и сотканным лишь из частичек добра. И всё-всё вокруг принадлежит только тебе, даже это майское солнце, которое так смешно щекочет нос своими вечерними лучами.

Мужчина, улыбаясь, ласково гладит девочку по голове.

Тут девочка обращает внимание на оброненный кем-то листок бумаги, лежащий на тротуаре. На листке записаны чьи-то имена и даты.

— Что это, дядя Вася? — заинтересованно спрашивает девочка.

— Похоже, кто-то записал дни рождения своих близких, — бросив взгляд на листок бумаги, говорит мужчина и добавляет: — Для памяти.

— Ой, а что значит «для памяти»? — любопытствует девочка и смотрит на дядю Васю по-детски наивными глазами.

— Ну, как бы тебе объяснить, — задумывается дядя Вася.

— Понимаешь, человек, он ведь забывчив по натуре своей. Дни сменяются днями, и из памяти истираются какие-то события. Поэтому люди придумали записывать что-то важное, чтобы не забыть. Ты же записываешь домашние задания в свой дневник?

— Да, — кивает девочка, — нам учительница велит записывать.

— Конечно, она так делает, чтобы вы не забыли, что задано.

Дядя Вася замолкает на какое-то время и потом медленно говорит, тщательно подбирая слова:

— Но, знаешь, есть еще одна вещь, куда более важная.

— Какая же? — широко распахнув глаза, спрашивает девочка.

— А такая: ведь записи можно делать не только для своей памяти. Но и чтобы помнили другие. Для общей памяти, стало быть.

— Как это так? — хмурится девочка.

— Ну вот, например, умер человек, и никто не знает ничего про него, кроме родных да друзей. А кто-то записал про него для памяти, что вот, мол, был такой человек, и другие прочитают это и тоже будут знать про него.

Лицо девочки становится серьезным, и она прижимается щекой к дяди Васиной руке.

— Дядя Вася, я не хочу, чтобы люди умирали, — жалобно говорит она.

— Так сейчас-то никто и не умирает, что ты, Танечка, — шутливым тоном говорит дядя Вася. — Я просто хочу тебе сказать, что память о людях — это очень важно.

— Я поняла, — лицо девочки трогает слабая улыбка.

— Ну и хорошо, — дядя Вася оправляет свою солдатскую шинель. — Пойдем домой, мать заждалась уже, поди. Скажет, куда же это мои Сафроновы запропастились.

Таня кивает и, держась за руку дяди Васи, бросает прощальный взгляд на найденный ею листок бумаги. На листке, который когда-то был частью календаря-ежедневника, стоит дата: «*Май, 1941*».

Через год, когда дядя Вася умрет от голода в осажденном Ленинграде, Таня запишет в своем страшном блокадном дневнике: «*Дядя Вася умер 13 апреля в 2 часа ночи*». Спустя еще месяц, после смерти мамы, дневник Тани будет дополнен последними тремя строчками, записанными обессилевшей от голодного истощения детской рукой: «*Сафроновы умерли. Умерли все. Осталась только Таня*».

Для памяти…

ПРОЩЕНИЕ

Рассказ

В окно избы настойчиво постучали. Дед Андрей недовольно поковылял к двери, кряхтя и гадая, кого это к нему принесло на ночь глядя. Под нос он бубнил проклятия в адрес старой овчарки Лайды, которая не предупредила о визите чужака. В который раз пообещав себе прогнать выжившую из ума собаку с глаз долой, он отворил дверь.

И обмер. На пороге стояла Аня, его внучка. А Лайда вертелась подле ее ног, счастливо повизгивая и заглядывая ей в глаза.

Борода деда Андрея мелко затряслась, в носу предательски защипало. Последний раз он видел Аню много лет назад и уже не думал, что когда-либо увидит ее снова.

— Здравствуй, дедушка, — отстраненным тоном произнесла Аня, словно разговаривая с незнакомым ей человеком.

— Здравствуй, внучка, — оторопело пробормотал дед Андрей и замолчал.

— Позволишь войти?

— Да-да, конечно, внученька, — дед Андрей суетливо отступил от двери.

Аня тихо вошла. В руках у нее была большая плетеная корзина, закрытая плотным одеялом. Аня бережно поставила корзину на деревянную скамью и присела рядом.

— Ты что же у двери села? — продолжал суетиться дед Андрей. — Застудишься. Садись, вон, на кровать мою у печи. Там, чай, помягше будет. И теплее.

— Спасибо. Мне тут хорошо, — сухо произнесла Аня, сняв платок. — Я ненадолго.

Дед Андрей смущенно стоял перед ней, переступая с ноги на ногу.

— Ну, вот, видишь, внучка, у меня тут всё по-старому, ничего не изменилось, — пробормотал он.

— Вижу. — Аня коротко скользнула глазами по избе. Взгляд ее остановился на драповом пальто, что висело на стене у печи. — Я помню, как подарила тебе это пальто. Весь заработок спустила на него.

— Да-да, — еще больше смутившись, закивал дед Андрей.

— А ты напился в тот вечер, побил маму и выгнал нас с ней из дома. На мороз, — ровным голосом сказала Аня.

Дед Андрей опустил голову. Щеки его горели, губы тряслись. Много лет он ждал этого разговора, желал его всей душой, но даже не мог предполагать, что он окажется столь тяжким для него. Много раз он представлял, что будет говорить в ответ, какие слова произнесет. Но сейчас стоял лишь и молчал, не решаясь произнести ни слова.

— Носишь пальто-то? — спросила Аня.

— Нет, оно всё время здесь висит, — дед Андрей помялся и добавил: — Висит как напоминание мне о моих грехах.

Аня ничего не сказала в ответ.

— Как Лиза? — осторожно решился спросить дед Андрей.

— Мама умерла в прошлом году, — снова без эмоций сказала Аня. — Погибла. Ее повесили немцы за укрывательство раненого красноармейца.

У деда Андрея на глазах выступили слезы.

— Я не знал, — прошептал он, — мне не сообщили.

— Тебе пытались сообщить, — беспощадно сказала Аня, — но ты был пьян. Пил беспробудно.

— Я уже бросил пить, — умоляюще произнес дед Андрей. — Много месяцев уже держусь.

— Это теперь ничего не изменит, — она помолчала минуту и продолжила: — Тот солдат, которого мама укрывала, — это был мой муж, Петя. Когда была облава, нас предупредили соседи, и он вовремя скрылся. Мама думала, что немцы ничего не узнают, но на нее донесли. Меня ей удалось выгородить, так что нас с Петей она спасла, а себя нет. Немцы расправились с ней быстро. Веревку на шею и всё.

Голос ее дрогнул, и Аня отвернулась к окну. Дед Андрей понял, что она не хотела показывать ему свое волнение. Но, быстро справившись с собой, она глубоко вздохнула и снова обратилась к нему. Ее увлажнившиеся глаза зло сверкали в темноте.

— Петя потом примкнул к партизанскому отряду, а вскоре и я присоединилась к нему. Так что теперь я — боец, как

и мой муж. Я партизан. Я мщу за маму.

Дед Андрей пораженно молчал.

— И я пришла к тебе не просто так, — сказала Аня, нежно погладив стоящую подле нее корзину. — Нужна твоя помощь.

— Какая помощь? — голос деда Андрея опять задрожал.

— Два дня назад мы с Петей выполнили одно задание, — вместо ответа сказала Аня. — Подорвали штаб немецкой дивизии в Еленовке.

— Так это ваших рук дело! — ахнул дед Андрей. — Немцы же вчерась у нас в деревне всё вверх дном перевернули. Расстрелами грозились.

— Они это умеют, — горько усмехнулась Аня и продолжила: — Петю схватили. Сейчас он в гестапо. Завтра его повесят. И я должна идти к нему. Я должна сдаться.

— Ты что такое говоришь, внучка! — воскликнул дед Андрей. От обилия новостей, обрушившихся на него лавиной, у него кружилась голова и тряслись колени. — Вас же обоих повесят! Ты идешь на верную погибель! Ты что удумала!

— Не самая плохая участь — умереть рядом с любимым мужчиной, — с упрямой решительностью проговорила Аня. — Да и выбора у меня нет. Гауляйтер пообещал расстрелять всю деревню, если Петя не выдаст своих сообщников.

Дед Андрей упал перед Аней на колени.

— Внучка, я прошу тебя, не наказывай старика так больно, — надрывно умолял он. — Я совершил много грехов в

своей жизни. Я очень виноват перед тобой и Лизой. Но это слишком жестокое наказание для меня!

И вдруг его осенило.

— Слушай-ка, внучка, — с жаром вдруг сказал он, схватив Аню за руки, — давай сделаем вот что: я пойду к ним вместо тебя. Скажу, что это я помогал твоему мужу. Пусть меня повесят, я уже старый, пожил свое. А ты должна жить!

Глаза Ани потеплели, и она не отстранилась от него, оставила свои руки в его руках.

— Этим ты меня не спасешь, дедушка, — сказала она тем тоном, каким мать разговаривает с ребенком. — Тебя раскроют за пять минут, ты ведь совсем не умеешь врать. Сгубишь себя только зазря. Мне от тебя совсем другая помощь нужна.

— Что же я могу для тебя сделать?

Аня бережно приоткрыла одеяло на своей корзине. И дед Андрей ахнул. В корзинке мирно спал закутанный теплым платком младенец и улыбался во сне.

— Господи Боже мой! — дед Андрей размашисто перекрестился.

— Петя очень хотел, чтобы его дочку звали так же, как и меня, — улыбнулась Аня, ласково проведя рукой по головке ребенка. — Это Анютка, наша с Петей дочь. Позаботься о ней, — с болью в голосе попросила она и добавила: — Пожалуйста. Кроме тебя мне больше не к кому пойти.

Дед Андрей осторожно приложил свою ладонь к платку,

которым был укрыт ребенок, и в благоговении замер, ощущая тепло маленького человечка и слушая как бьется его сердце.

— Управишься с малюткой? — спросила Аня.

— Управлюсь, — тихо прошептал он. — Мне еще соседка, Степановна, подсобит. Она в этом пониманье имеет.

Аня наклонилась над ребенком, обхватив корзину обеими руками, и принялась целовать девочку в маленький лобик и крохотные ручки, неслышно нашептывать ей на ушко что-то ласковое и материнское. Плечи Ани вздрагивали, она из последних сил старалась удержать себя от того, чтобы не заплакать.

Так она простояла над спящим дитём довольно долго. И дед Андрей уже собрался было снова начать уговаривать ее отказаться от своей гибельной затеи. Но в этот момент Аня выпрямилась и посмотрела на него с такой отчаянной решимостью, что дед Андрей тотчас осекся.

— Пора, — она шумно выдохнула, накинула платок на голову, застегнула полушубок и, не говоря больше ни слова, уверенно отворила дверь и перешагнула порог дома.

Дед Андрей бросился за ней. Выскочив на улицу, он остановился. Аня быстро удалялась, и ее фигура уже с трудом угадывалась в темноте осенней ночи. Овчарка Лайда немного пробежала следом, но потом вернулась, жалобно поскуливая.

— Внучка! — крикнул дед Андрей дрожащим голосом.

Он боялся не успеть сказать ей то, что хотел сказать уже очень давно.

Но Аня его услышала и обернулась.

— Внучка, — повторил дед Андрей, взглянул на нее умоляющим взглядом и спросил: — Простишь ли ты меня?

Аня печально улыбнулась и сказала:

— Уже простила.

СУДЬЯ

Рассказ

Закрытое тучами небо на западном направлении мрачной свинцовой массой нависало над измученной землей. Казалось, оно вот-вот прольется слезами, не в силах взирать на устроенное людьми безумие. Но время шло, горизонт сурово темнел, и небо молчало. Лишь прохладный августовский ветер горестным нечеловеческим вздохом метался меж холмов.

Небольшой отряд разведки 155-й стрелковой дивизии зашел в деревню, которую только что покинули немецкие войска. Вернее, раньше это было деревней, каких много разбросано под Курском. Теперь же от нее осталось только пепелище, дым от которого еще клубился над чернеющей опалинами крестьянской землей. Отступая, немцы сожгли здесь всё. И лишь обугленные трубы печей были безмолвными свидетелями того, что еще недавно в этом ныне мертвом месте жили люди.

Разведчики молча остановились у большого деревенского амбара с обрушившейся от огня крышей. В бессилии сжимая в руках свои пилотки, они хмуро смотрели на страшную картину, открывшуюся их глазам. Слезы сами катились по черствым солдатским лицам. Их души, хоть и успевшие загрубеть и зарубцеваться от идущей третий год войны, не

могли не трепетать от увиденного.

Из-под дымящихся остатков крыши амбара виднелись обугленные тела, едва прикрытые обрывками одежды. Множество тел, в беспорядке лежащих друг на друге. Женщины, старики и даже дети. Убитые, истерзанные и сожженные лишившимся рассудка врагом.

Поднимающийся к небу черный дым, казалось, сохранил в себе страшный крик умирающих людей. Беззвучное эхо этого крика, застыв в удушливом воздухе, еще звенело в ужасной тишине. Боль и страдания были обильно разлиты в вязком смраде пожарища. Они проникали в грудь и беспощадно терзали сердце советских солдат, которые плакали, как дети. Вытирая рукавами слезы, они стояли молча и ничего не говорили, но каждый из них думал лишь об одном. О мести.

И только один из них не плакал. Невидящим взглядом он смотрел на лежащее на земле среди обуглившихся бревен тело маленькой девочки, почти наполовину засыпанное пеплом. И в глазах его сверкали молнии. Губы его беззвучно шевелились, то ли вознося молчаливую молитву, то ли клятву, то ли обещание кары.

К нему подошел командир отряда, капитан Громов, и чуть тронул его за плечо. Взглянул было в его лицо, но тут же отшатнулся, натолкнувшись на страшный обжигающий взгляд.

— Василий Андреевич, — отведя глаза в сторону, обратился к нему Громов. Капитан, будучи уже немолодым че-

ловеком, всегда обращался к нему по имени и отчеству. В этом сказывалось традиционное уважение пехотинца к профессии Василия Андреевича. Тот был корректировщиком артиллерийского огня.

— Василий Андреевич, — повторил капитан, — где оборудуем НП? Надо поторопиться, фрицы, скорее всего, отсюда в контратаку будут выходить.

— Да, — мрачно буркнул Василий Андреевич и указал глазами на видневшуюся неподалеку от деревни возвышенность, где росла одинокая береза. — Там под деревом поставим радиостанцию. Оттуда всё будет хорошо видно.

— Уверен? — с сомнением покачал головой капитан. — Всё же место довольно открытое. Не сможем хорошо замаскироваться.

— Уверен, — негромко ответил Василий Андреевич. — Мне, главное, их увидеть. Лишь бы увидеть в нужный момент. А там я всё сделаю.

— Ну хорошо, будь по-твоему, — пожал плечами Громов.

— Людей бы похоронить, — чуть слышно сказал Василий Андреевич. Капитан тяжело вздохнул и хлопнул его по плечу.

— Похороним, — сказал он. — Но сначала дело.

Василий Андреевич промолчал.

Громов еще раз вздохнул и принялся отдавать распоряжения своим бойцам.

Старая береза, подле которой расположился отряд, пе-

чально шелестела своей редкой листвой, которую смогла сохранить после бомбежек. Тяжелый ствол дерева, словно тело старого солдата, был испещрен шрамами от осколков снарядов. Множество осколков остались в нем, намертво застряв в плотной древесине. И из зазубрин и отметин березы, которые на ней оставила война, сочилась густая и черная, будто кровь, смола.

Разведчики обосновались в воронке от немецкой бомбы, зиявшей у самого подножья березы и обнажившей часть корневой системы дерева. Здесь они оборудовали свой НП, то есть наблюдательный пункт. Отсюда действительно был хороший обзор. Шоссе, проходившее неподалеку от деревни, просматривалось на большую глубину.

Внимательно осмотрев местность в бинокль, Василий Андреевич удовлетворенно кивнул. Здесь он сможет эффективно сделать свое дело.

Установив радиостанцию и натянув проволочную антенну через нижнюю толстую ветку березы, разведчики залегли в своем укрытии. Теперь оставалось только ждать. И наблюдать.

Впрочем, долго ждать не пришлось. Не прошло и часа, как издалека донеслись звуки моторов. Спустя несколько минут один из разведчиков ткнул Василия Андреевича в бок и, не говоря ни слова, указал на шоссе. Тот кивнул. Он уже и сам увидел врага. По шоссе двигались мотоциклы и грузовики с пехотой. Они направлялись в ту сторону, где затаились раз-

ведчики. Буквально за их спинами обосновался батальон одного из наших полков. Немцы явно намеревались сбить его с занятых позиций.

Вражеская колонна приближалась.

— Андреич, передавай! — прохрипел капитан сквозь стиснутые зубы. — Они же совсем рядом!

Но Василий Андреевич не шевелился. Не отрываясь от бинокля, он сосредоточенно продолжал следить за противником. Он ждал. Ему нужно было, чтобы всё было надежно. Головные машины уже вышли в намеченный им квадрат, но хвост еще вытягивался из-за поворота.

Капитан напряженно замер. Вражеская колонна была уже настолько близко, что технику можно было разглядывать невооруженным глазом.

В этот момент Василий Андреевич прильнул к наушникам.

— Роса, Роса. Я Гранит. Прием, — прижимая тангенту, отрывисто заговорил он в микрофон.

Несколько секунд наушники издавали лишь шипение, но потом сквозь треск послышался голос радиста командного пункта артдивизиона:

— Гранит, я Роса. Слышу вас хорошо. Прием.

— Роса, работаю с нового наблюдательного пункта. Мои координаты: икс один-два-восемь-пять-ноль, игрек четыре-три-четыре-два-ноль.

— Гранит, я Роса. Понял: ваше местоположение икс один-

два-восемь-пять-ноль, игрек четыре-три-четыре-два-ноль.

— Роса, наблюдаю колонну противника: два мотоцикла, десять машин с пехотой, три бронеавтомобиля. Голова колонны в трёхстах метрах южнее ориентира пятого. Движется на север, скорость около двадцати километров в час. Подготовить огонь по ориентиру пятому. Прием.

Эфир умолк на мгновение. По-видимому, радист передавал донесение командиру.

— Гранит, я Роса, — донеслось в наушники сквозь треск помех. Это был другой голос. — От ориентира пятого до вашего наблюдательного пункта шестьсот пятьдесят метров. Вы в опасной близости. Проверьте координаты. Прием.

— Координаты верны. Огонь подтверждаю. Приём.

— Вас понял, Гранит, — с мрачной решимостью проскрипел эфир. — Ждите.

Через минуту радио вновь затрещало и прежний голос радиста произнес:

— Гранит, я Роса. По ориентиру пятому готовы. Прием.

Василий Андреевич проследил, как головной мотоцикл немецкой колонны поравнялся с приметной раздвоенной березой.

— Роса, я Гранит, — выдохнул он в микрофон. — Голова колонны у ориентира пятого. Огонь! Прием.

— Гранит, я Роса. Выстрел!

Земля под ногами вздрогнула. За немецкой колонной разорвался снаряд. В колонне тут же началась суета. Броне-

машины съехали с дороги, грузовики остановились, и из них, как горох, посыпалась немецкая пехота.

Василий Андреевич снова взялся за тангенту.

— Роса, я Гранит. Разрыв вправо ноль-двадцать, перелет двести. Прием.

— Вас понял, Гранит. Вправо ноль-двадцать, перелет двести. Ждите.

В наушниках снова зашипело.

— Гранит, я Роса. Выстрел!

— Наблюдаю.

На этот раз взрыв очередного снаряда, прилетевшего из-за лесополосы, пришелся на голову колонны. Василий Андреевич видел в бинокль, как осколками посекло мотоциклистов.

— Роса, разрыв по цели, у головы колонны. Огонь на поражение. Прием.

— Понял. По цели. Огонь на поражение, — повторили на том конце радиосигнала. Шипение.

— Выстрел!

За лесополосой грохнули орудия. Несколько снарядов угодили в самую середину колонны, разметав немецких автоматчиков и опрокинув на бок грузовик.

Теперь пристрелка была закончена, и Василий Андреевич принялся выдавать в эфир поправки, перенося огонь вдоль колонны. Батарея отвечала без промедления. Отныне каждый снаряд, выпущенный по его указанию, попадал точно в

цель. Василий Андреевич умело дирижировал артиллерией, словно огромным оркестром, и сеял смерть и панику в рядах противника.

— Да, не хотел бы я там сейчас оказаться, — выдохнул один из разведчиков, наблюдая за шоссе. Там, в ревущем смертоносном огне, земля смешалась с дымом и криками солдат. Текущее рекой черное пламя жадно лизало броню и разбитые машины. Там творился кромешный ужас.

Василий Андреевич не обратил на слова разведчика никакого внимания. Он был полностью сосредоточен на своем деле. Сейчас всё, что находилось в низине, где проходило шоссе, было в его полной власти. И он вершил праведный суд, где он был одновременно и судьей, и исполнителем приговора.

Приговора, который он вынес врагу еще в той деревне.

КАНАРЕЙКА

Повесть

— Ты только посмотри, какая вещь! — Темноволосую девушку в антикварном магазине заинтересовала лишь старая клетка для птиц, стоявшая на витрине между мужским костюмом и женским платьем. Девушка с восторгом разглядывала клетку, пальцами поглаживала старинные завитки и искусно выкованную из металла виноградную лозу, оплетавшую клетку от основания до самой верхушки. Рядом стоял скучающий парень в свитере и потертых джинсах, который явно не разделял восторгов своей подруги.

— Что в ней такого-то? — протянул он со вздохом.

— Ну как же! Полностью ручная работа, ты только посмотри, какая тонкая! Произведение искусства! — втолковывала ему девушка. — Этой клетке же, наверное, очень много лет.

Из дальнего угла магазинчика послышался насмешливый кашель. Девушка с парнем обернулись. У столика с сувенирными магнитиками сидел старик и подслеповато щурился на них.

— Когда я первый раз увидел эту клетку, она уже тогда была очень стара, — хрипло проговорил он. — Это еще дореволюционная работа. С этой вещью связана одна история.

— Ой, а расскажите, пожалуйста, — тут же попросила де-

вушка. — Мне безумно интересны истории про такие старые вещи.

— Ну, история не совсем про нее, а скорее про того, чьим домом была эта вещь, — уточнил старик.

— Еще лучше! — воскликнула девушка и присела на небольшой пуфик, готовясь слушать историю. Ее скучающий парень, махнув рукой, уселся на пол, достал свой телефон и тотчас уткнулся в него. Девушка неодобрительно покосилась на него, но ничего не сказала.

— Это было зимой 1942 года, в Ленинграде, — начал свой рассказ старик. — Был январь, кажется. Ох и лютые тогда стояли морозы. Я такой крепкой зимы и не видывал потом. Нынешние совсем не чета той, страшной блокадной зиме. Холод ползучий пробирал до костей. Не были ему преградой ни одежда, ни двери домов. Да дома и не могли толком его сдержать, ведь центральное отопление уже не работало. Немцы всё разбили своими обстрелами.

Люди ставили в своих квартирах эдакие печки-буржуйки и топили, чем придется. Мебелью, вещами и даже книгами. Каждый спасался, как мог. Печки эти дымили нещадно, но делать было нечего, других способов худо-бедно согреть жилье не оставалось.

Спать ложились в одежде. Но не только из-за холода. Силы оставляли людей с каждым днем. Ведь другим страшным испытанием ленинградцев был голод. Сколько народу он выкосил тогда, уму непостижимо. Люди замерзали, обессилев,

на улицах, умирали в своей постели, падали замертво на работе.

Я очень хорошо помню вереницы уже даже не людей, а их бледных теней, тянущих за собой санки с телами умерших близких, завернутых в одеяла и простыни.

И мне также приходилось отвозить трупы своих близких туда, где их забирали похоронные бригады. Первой в нашей семье умерла бабушка. Она просто села в свое любимое кресло и больше не встала с него. Мы с мамой кое-как завернули ее в простыню, положили на мои детские санки, и я тащил ее через весь город, поскольку у мамы были больные ноги и она уже тогда почти не могла ходить. Вы себе и представить не можете, как это было трудно. Мне ведь тогда едва исполнилось десять лет. И бабушкино одеревеневшее тело было для меня очень тяжелым. Я надрывался, задыхался, падал, останавливался через каждые несколько шагов. После этого сутки лежал на кровати, не в силах подняться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.